

Юлий Буркин

Хеза форева

*Часть сборника
Изумрудные росы (сборник)*

Юлий Буркин

Хеза форева

«Автор»

2005

Буркин Ю. С.

Хеза фореваэ / Ю. С. Буркин — «Автор», 2005

Хеза. То ли ёж-мутант, то ли гибрид жабы и черепахи... А ещё иногда глотает редкие монеты и исполняет желания. Но не все подряд, а очень избирательно!

© Буркин Ю. С., 2005

© Автор, 2005

Содержание

Юлий Буркин	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Юлий Буркин Хеза форева

*Человек создан для счастья, как птица для полета.
«Записки п?нгвина»*

Только он влез в ванну, только намылил шампунем голову, как в коридоре зазвонил телефон: бр-р-рын-н-нь, бр-р-рын-н-нь, бр-р-рын-н-нь...

Ну, ё-моё! Вот не раньше и не позже.

Бр-р-рын-н-нь, бр-р-рын-н-нь!..

Достали! Не подойду и всё. Пусть думают, что меня нет.

Бр-р-рын-н-нь, бр-р-рын-н-нь, бр-р-рын-н-нь!

Нет, ну что за уроды? Ну, не подходит человек к телефону, значит, его нет, ведь так?

Бр-р-рын-н-нь, бр-р-рын-н-нь, бр-р-рын-н-нь!!! Прямо таки, бр-р-рздынь!!!

Да ёлки-палки! Ну что за настырный народ! А вот хрен вам! Не вылезу!

Из-за всех этих переживаний Владик отвлекся от процесса, и мыльная вода угодила ему в глаз. Костеря все на свете, он зажмурился и, окунувшись, поспешно смыл пену с головы. Затем принялся промывать глаз, который отчаянно щипало. А телефон замолчал. Но это уже как-то не радовало.

Только перестало щипать, как в комнате сладкими серебряными бубенчиками запел мобильник. О-о!!! Ну почему я не взял его с собой? Чтобы не уронить в воду, все правильно. Умный.

Бим, бирим, бирим, бирим... Бим, бирим, бирим.

Нет, ну, вообще-то, и это тоже правильно: раз меня нет дома, значит, нужно звонить на сотовый. С другой стороны, если уж я и сотовый не беру, значит, бесполезно. А никаких срочных дел у меня быть не может. Учитывая, что в понедельник – на сборы...

Глаз чесался. Мобильник смолк. Уф.

– Ну, слава богу, – сказал он вслух. И тут же: бр-р-рын-н-нь, бр-р-рын-н-нь, бр-р-рын-н-нь! Снова!!!

Решив не спорить с судьбой и уже догадываясь, кто это может быть, Владик вылез из ванны и, оставляя на линолеуме следы-лужицы, прошлепал к столику.

– Да?!

– Привет.

Так и есть – Вовик. Они знакомы со школы, и тот всегда обращался с Владиком бесцеремонно и снисходительно-покровительственно. С какой стати – непонятно.

– Здорово. Чего тебе? – едва сдерживаясь, отозвался Владик. Ручеек из-под его ног полз обратно к ванной.

– Почему не подходишь?

Блин! Еще и претензии...

– Говори быстрее, я спешу.

Не объяснять же, что ему мокро и холодно.

– Куда?

– Обратно, в ванну!

– А-а... Ладно. Слушай, Владик, я тут какую-то хезу на даче нашел. То ли ёжик, то ли крот, то ли жопа с глазами. Давай, я к тебе ее принесу, ты же у нас не только маразмат, но и ботаник.

Вот свинья. Ведь прекрасно знает это слово – «нумизмат». И что ботаник – не зоолог.

- Знаешь, что?! Иди ты к черту со своей хезой!
- Ты до сколько дома будешь?
- Считаю, что меня уже нет.
- А вытереться?
- Пошел ты!

Владик бросил трубку и прошлепал обратно в ванную. А через полчаса, когда он уже оделся, позвонили в дверь. На пороге стоял Вовик, держа в руке куполообразную металлическую клетку для птиц, а в ней, с любопытством пялясь на Владика и хлопая глазами, сидела она – Хеза.

Привычку разговаривать с самим собой Владик приобрел уже давно. Во-первых, дома ему разговаривать было больше не с кем, во-вторых, произносимые вслух мысли как-то конкретизировались и становились основательнее. И, наконец, в-третьих, говорить то, что думаешь, можно, считал Владик, только себе.

Но теперь у него появился собеседник. И собеседник – идеальный. Сидя на высланном газетой дне клетки, Хеза слушала его внимательно, с неподдельным интересом, неотрывно глядя на него своими огромными умными глазами. И он точно знал, что его слова не будут никому переданы.

– Вот они – люди, Хеза, – сказал Владик, усаживаясь за стол, на котором теперь стояла клетка, и кладя перед собой стопку томов справочника Брэма. – Козлы и сволочи. Вот зачем он тебя поймал, если ты ему не нужна? Допустим, из спортивного азарта. Ладно, поймал, убедился, что может поймать, ну и отпустил бы с богом. Нет, волокет зверя в город. И не знает, кому бы его там сплавить... Извини, что я в третьем лице...

Бормоча, Владик перелистывал том, рассматривал картинки и то и дело поглядывал на Хезу, сравнивая.

– Да кто ж ты такая-то? Броненосцы у нас, вроде, не водятся. Да и морда у тебя другая... Нет, я, главное, говорю: куда я ее дену, я в понедельник на сборы уезжаю! А он: «Не возьмешь, выпущу в скверике». Урод моральный. Я говорю: «Отвези обратно», а он: «Я на дачу только через неделю...»

Владик отложил просмотренный том в сторону, рядом с клеткой, и взял в руки следующий.

- Здравсте! А это здесь откуда?

Он раскрыл книгу. Это был вовсе не справочник, а кляссер с монетами. Формат такой же, вот он нечаянно и прихватил его. Таких альбомов у него было пять, и в них помещалась, пусть и не самая обширная в мире, но горячо любимая коллекция, сжиравшая почти половину его заработка. Владик открыл кляссер и полюбовался на стройные ряды монет, пробормотав: «Там царь Кощей над золотом чахнет...».

Впрочем, злата тут нет. Зато Русью пахнет отчетливо. Это был советский раздел коллекции. Монетки наполовину высывались из прозрачных кармашков, Владик потрогал одну из них и улыбнулся. Десять копеек 1946 года, в гербе которого вместо одиннадцати лент – семь. Ох, и досталось же кому-то за этот брак. Учитывая политическую ситуацию того времени, можно почти уверенно сказать, что этот кто-то был расстрелян... Владика десятик обошелся в триста пятьдесят баксов.

– Вот так-то, Хеза, – сказал он. – Была бы денежка правильная, красная цена бы ей была – сто рублей. А такая, с дефектом – нумизматическая редкость! Или вот, – он осторожно вынул другую. – Видишь? Рубль сувенирный, посвященный великому композитору Прокофьеву. Делали форму, чеканили – на века. И ухитрились, бараны, перепутать даты жизни. Он умер в пятьдесят третьем, а тут, – видишь? – пятьдесят второй... В результате – вынь да положь четыреста зеленых. Пока эта у меня – самая дорогая...

Владик, вставил рубль обратно в кармашек и положил раскрытый кляссер на уже просмотренный том «Брема».

– Вот и ты у нас, Хеза, – зоологическая редкость. То ли ёж-мутант, то ль гибрид жабы и черепахи... – Владик усмехнулся. – Главное, я и правда не знаю, куда тебя деть, пока я буду на этих треклятых сборах. На соседнюю кафедру – к зоологам?.. И не жрешь ты ничего... А как мне не хочется на эти сборы, знала бы ты! Что я – мальчик: с автоматиком по плацу бегать... И на день рождения не попадаю. А что делать?

Внезапно Хеза чуть приоткрыла свой безгубый щелевидный рот, и из него со скоростью смазанной маслом молнии выскочил длинный-предлинный язык. Он коснулся «Прокофьева», тут же втянулся обратно, и монетка исчезла во рту Хезы. Та прикрыла глаза, откровенно слотнула, и ее странная мордочка на миг приняла мечтательно-счастливое выражение. Затем глаза открылись, и Хеза стала такой же, как была.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.